

Содержание

| | |
|--|-----|
| Она оттяпает тебе нос, и пальцы, и всё остальное | 9 |
| Эй ты, там, слышишь меня? | 19 |
| Схенкельман со всем его скарбом и осликом | 23 |
| Ты тогда был на один зубок. | |
| Маленький и тощий. Но сейчас. | 34 |
| У Яниса есть ослик, две корзины и пустой желудок . . . | 43 |
| Мир велик, бесконечно велик | 51 |
| А ну-ка! Сейчас или никогда. | 62 |
| Добавки? А платить кто будет? | 69 |
| Но вот ботинки Фрида он больше не наденет | 88 |
| Мы поймали кролика, тра-ла-ла, тра-ла-ла | 102 |
| Будешь таким добрячком, тебе вмиг сядут на шею . . . | 121 |
| Никого у нас нет. А теперь спать | 137 |
| Тебя наконец отыскали и хотят вернуть. | 157 |
| Судя по всему, она прекрасно умела спрыгивать с деревьев. | 167 |
| Тогда захоти. | 186 |
| Всё было такое мелкое, что оставалось только догадываться | 202 |
| В реке неподалеку от Бартельборга. | 209 |
| Схенкельман всего лишь мелкая сошка | 219 |
| Кухня — это котел, полный сплетен | 227 |

| | |
|--|-----|
| Ишь, цацы какие, околачиваются тут, вынюхивают | 242 |
| Нельзя так слепо доверять чужим словам | 252 |
| Разве сама она не может неудачно кинуть, упасть или поджечь? | 266 |
| Под лошадьё были неразборчивые каракули | 273 |
| Давай, Лока, ну же! | 282 |
| Янис ясно видел, что Ассерик думает. Что у него в голове | 290 |
| Если мы умрем, они перестанут нас искать | 295 |
| Когда надо, ругаться я умею как извозчик. | 305 |
| Узкая деревянная дощечка, чтобы бить по рукам непослушных детей | 315 |
| Он всё приукрашивал | 322 |
| Вернуться в город с волосами утопленницы из рода Холдерлинг? Ну уж нет! | 328 |
| Он даже не пытался делать вид, что расстроен | 336 |
| Тра-ла-ла, тра-ла-ла | 342 |
| <i>Послесловие</i> | 348 |

Она ОТТЯПАЕТ ТЕБЕ НОС, И ПАЛЬЦЫ, И ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ

Уже много дней они ели жидкую кашу с крапивой. Самое время Фриду пойти за свежими припасами. Он стоял в дверях с мешком за спиной. Было раннее утро, солнце еще пряталось за гребнем горы над хижинкой.

Янис потер сонные глаза.

— Ну, я пошел, — сказал Фрид. — А ты береги себя. Великая хворь хитрее, чем ты думаешь.

— Знаю, — ответил Янис.

— Она подкрадывается и поверху, и понизу, забирается в любую щель.

— Знаю, — ответил Янис.

— А еще?..

— Она ползет ползком, скачет скоком, стелется по земле и плывет по воде. От человека к человеку, от дома к дому.

Янис называл одно за другим торопливо — чем быстрее, тем лучше. Когда долго говоришь о Великой хвори, то как будто ее призываешь. С каждым словом она всё ближе.

— А еще? — повторил Фрид. — Она оттяпает?..

— Оттяпает тебе нос, и пальцы, и всё остальное.

— И значит?

— Нужно всегда быть начеку, — закончил Янис.

— Всегда-всегда, — подтвердил Фрид.

Янис глянул на скамейку перед хижинкой. На ней лежало приготовленное Фридом полешко, расколотое надвое, — чтобы Янису было чем заняться. Этих двух половинок хватит на две ложки. Так легче всего: если быть при деле да рано ложиться спать — дни проходят быстрее.

— Ставни нужно закрывать, — напомнил Фрид.

— Хорошо.

— Повтори.

— Закрывать ставни.

— А с засовом что?

— Дверь на засов, ставни закрыть, Локу запустить в дом и...

— И всё.

Фрид вышел за дверь, пересек двор и зашагал по тропинке. Янис пошел за ним. Но только до края двора, дальше ни-ни.

— Принесешь мне вишенку?

Фрид обернулся.

— Опять ты со своей вишенкой. Любопытство — мать всех бед, заруби себе на носу. Или хочешь, чтобы я зару-

бил? — Он подмигнул. Одна серая бровь уехала вниз. — Оглянуться не успеешь, я такие зарубки сделаю, что ой-ой!

Янис подмигнул в ответ: сначала зажмурил оба глаза, а потом один открыл.

Фрид рассмеялся.

— Тебе никогда не научиться, малыш.

И, махнув на прощание рукой, пошел дальше. Янис смотрел ему вслед. Тропинка вилась по склону вниз и там нырляла в сплетение веток и стволов. Лока заскулила, ее хвост медленно ходил вправо-влево.

— До встречи! — донесся из леса голос Фрида.

— До встречи! — крикнул Янис.

Ничего не поделаешь, иногда Фриду нужно уходить. Спускаться с горы и перебираться через пропасть в долину по ту сторону ущелья. Он относил туда товары на обмен. На дне кожаного заплечного мешка несколько шкурок, потом три полные бутылки целебного травяного напитка, потом остальные шкурки, чтобы ничего не разбилось, а сверху деревянные ложки. На мешок нашиты медные кольца, и к ним привязано веревкой шерстяное одеяло — это чтобы не замерзнуть в дороге. С одной лямки свисает пустой кувшин, с другой — связка силков на кроликов.

На обратном пути Фрид тащил в гору новые припасы. Ячмень, топленый свиной жир — смалец, соль, ламповое масло в кувшине и притороченные поперек мешка заготовки для ложек. На ремне у него болталось несколько кроликов.

Фрид был хорошим браконьером.

— Нужно понимать, что кролик думает, — однажды сказал он. — Вот в чем секрет. Догадаться, что у него в голове.

Янис не знал, что у кролика в голове. Те, которых приносил Фрид, думать не могли, они уже были мертвые. Мясо — в бочку с рассолом. Отходы доставались Локе, она сгрызала уши, по одному за раз, остальные прятала под кроватью.

После каждой мены еды было вдоволь. Они ели густую ячменную кашу и соленое кроличье мясо. Со временем порции начинали уменьшаться, а каша в конце концов становилась такой жидкой, что уже не утоляла голод. Какое счастье, что у них были куры, которые несли яйца.

Припасы заканчивались и бочка с рассолом опустевала всегда раньше, чем хотелось бы. Раз в несколько недель Фрид закидывал за спину мешок. Весна ли, лето ли, осень или зима — приходилось спускаться вниз, чтобы обмениваться и охотиться на кроликов. Год за годом.

В свое время Фрид распределил обязанности. Тогда они только поселились в этой хижине, и все было ново и непривычно. «Ты уже достаточно большой, чтобы держать метлу, — сказал Фрид. — И оттереть котелок вполне сумеешь». Сам Фрид готовил целебное зелье из трав, потрошил кроликов и выделывал во дворе их шкурки.

Однажды он вернулся с книгой, бумагой и чернилами. Заострил кончик вороньего пера. Янис должен был научиться читать и писать. В книге были слова, и к ним картинки: мужчины и женщины, кареты с лошадьми, коровы и овцы, дикие звери, а на одной странице были деревья с плодами.

Янис учился писать «слива» и «вишня», хоть ни разу не пробовал ни сливы, ни вишни. Он смотрел на картинки и водил пальцем по черным контурам.

— Какой у вишни вкус?

— Вишневый, — ответил Фрид. — И еще она красная.

— Значит, у нее красный вкус, — сказал Янис. Он закрыл глаза и представил себе красную вишню. — Сладко. Красный — это сладко.

— Бывает и кисло, — сказал Фрид.

— Выменяй ее на кроличью шкурку, — предложил Янис. — Одну кроличью шкурку на одну вишенку!

В тот раз Фрид вернулся домой с двумя мешками ячменя и большим шматом смальца.

Янис огорчился.

— А вишенки не было?

— Нет, — ответил Фрид. — Вишенка никогда не бывает. Вишня не из наших краев. Радуйся тому, что есть, и будешь счастлив.

Янис переписал все слова из книги, все до единого. А потом стал писать слова, которые слышал и говорил сам. Фрид проверял его успехи.

— *Паленица*? Неправильно.

Перо Яниса опять закрипело по бумаге. «*Паленница*».

— Молодец, малыш, — похвалил Фрид.

Он засадил Яниса за работу. На бутылки с травяным зельем нужно было наклеить ярлыки.

— Средство от каждодневных недугов, — диктовал он. — Изготовлено по секретному рецепту, состоящему из знаний и лучших трав.

— Это как-то странно звучит, — сказал Янис.

Фрид постучал пальцем по столу.

— Ты давай пиши, что я говорю. «Изготовлено по секретному рецепту, состоящему из знаний и лучших трав». За это мне дают хороший смалец. Обмен — дело такое.

«Сретство от каждадневных недугов», — написал Янис.

— А хворь... она тоже каждодневный недуг?

— Нет, — ответил Фрид. — Великая хворь хуже всех каждодневных недугов вместе взятых.

Он сварил клей из кроличьих косточек и наклеил ярлыки на бутылки.

С меной у Фрида все получалось прекрасно. Он всегда возвращался с чем-то новеньким, приносил то корзину с курами, то штаны. Иногда колбасу или окорок. А как-то раз он достал из мешка сверток с ножами и резцами и маленький топорик с острым лезвием.

Янис научился вырезать по дереву. Сначала делал самые простые ложки, без хитростей. Древесину брал сосновую, из леса. Но уже скоро он начал украшать черенки ложек. Фрид по дороге домой стал выискивать ему древесину получше — приносил сколько мог. Возвращался из своих вылазок весь сгорбленный.

Янис вырезал цветочные побеги и диких зверей, которых видел на картинках в книге. У него хорошо получалось, так хорошо, что однажды Фрид взял его руки в свои и вздохнул.

— У тебя дар, малыш, смотри не растеряй его. Ты пришел в этот мир, чтобы творить красоту.

Помогать с выделкой кроличьих шкурок Фрид не разрешал. А когда шел на двор забивать курицу, велел Янису сидеть в хижине.

— Есть созидатели, а есть разрушители, — объяснял Фрид. — Я вот разрушитель. Освежываю кроликов да забиваю кур. Ты — созидатель, ты создаешь что-то из ничего. А уж если ты созидатель, то нужно быть осторожным. Главное — ничего не разрушить. Не запачкать руки кровью. Созидателям ничего нельзя разрушать, а разрушители не могут ничего создавать. Так уж заведено в этом мире.

— А что случится, если я что-то разрушу?

— Тогда с ложками будет покончено. Кроликов ловит браконьер. Кур режут деревенские олухи. Ничего хорошего они за свою жизнь уже не смогут создать.

И вот сейчас Фрид со своим мешком и силками на кроликов опять спускался вниз с горы. А Янис со своими чурками для ложек остался один. Он стоял на самом краю двора. Лес поскрипывал. Треск от шагов Фрида разносился такой, будто он кубарем летит с горы. Янис прислушивался. Пока Фрида слышно, он еще не один. Вот хруст вдалеке. Голос Фрида. Песню поет или кричит что-то? Не разобрать. Сейчас долетят последние обрывки, и на этом всё.

Ушел Фрид на четыре дня, самое худшее на пять.

Работать — вот что главное. И не слишком загружать себе голову. Янис подмел хижину, потом двор, потом еще раз хижину. Время от времени посматривал в сторону леса. Великая хворь ведет себя тише, чем Фрид. Даже когда она подойдет совсем близко, слышно не будет.

Закончив с уборкой, Янис сходил к ручью за водой. Сварила четыре яйца. Почистил их на скамейке перед хижинкой. Порция Фрида досталась Локе. Куры снесут еще.

Весь оставшийся день он вырезал ложки. К куску дерева нужно сначала присмотреться, отгадать, что он в себе таит. Черпачок у ложки получится глубокий или нет? Черенок будет прямой или изогнутый? Дерево — материал своенравный, того и гляди наткнешься на сучок. Сначала берешь топорик и делаешь форму начерно, это быстро. Потом начинается более тонкая работа. Первая ложка получилась с глубокой чашечкой и прямым черенком. По черенку Янис вырезал деревце. А сверху будет сова, с перышками и коготками.

Янис работал, пока не заурчало в животе. Ничего, есть каша, можно ее разогреть и есть прямо из котелка, а если захочется чего-нибудь вкусенького, то на полке в глиняном горшке лежат сушеные ягоды.

Перед наступлением сумерек он загнал кур в курятник. Чтобы дверца курятника случайно не распахнулась, подпер ее камнем.

Позабывшись о курах, Янис вместе с Локой вошел в хижину. Там он зажег светильник, хиленького пламени едва хватало на то, чтобы разогнать тьму вокруг кровати. Потом задвинул засов на двери и закрыл ставни. Лока потопталась на полу и, глубоко вздохнув, наконец улеглась на соломенный половик у двери.

Янис укрылся своим одеялом из кроличьих шкурок. Это Фрид сшил их между собой: большие и маленькие, серые и коричневые, а одна в черную крапинку. Случалось, что

приходило время подшивать к низу одеяла новую полоску меха.

— Как-то ты слишком быстро растешь, — ворчал Фрид.

— Я не нарочно, — отвечал тогда Янис.

— Не нарочно? Это называется не нарочно? А вся эта еда сама к тебе рот закладывается?

Впредь Янис будет стараться есть поменьше. И тогда Фриду не придется так часто уходить.

На исходе четвертого дня Янис сидел на пеньке и вырезал ложки. Он прислушивался и время от времени даже привставал, чтобы лучше видеть тропинку. Фрид мог появиться из леса в любой момент. Но вот сгустились сумерки, и стало понятно, что сегодня можно уже не ждать. Янис вернулся в дом, запер дверь на засов, а ставни на крючок.

Прошла ночь, за ней пятый день, потом опять ночь, потом шестой, а Янис все был один. Ложку с совой он уже закончил. Следующая тоже была почти доделана. Солнце опускалось все ниже. Сидеть во дворе становилось боязно.

В доме он зажег светильник. Масла оставалось совсем чуть-чуть, огонек подрагивал и плевался. Янис лег в кровать и натянул кроличье одеяло до самых ушей, так что мех касался щек.

— Вот скажи мне, — спросил бы Фрид, — у кроликов мех внутри или снаружи?

— Снаружи.

— И я о том же. Матушка-природа распорядилась так не зря. Ну-ка, давай переворачивай как положено.

Но до чего же обидно, когда одеяло повернуто к тебе не мягкой стороной!

Фитилек погас. Наступила крошечная тьма. Осталось переждать всего одну ночь, и Фрид вернется. Одну последнюю ночь. Не распускать нюни, а побыстрее заснуть. Вот Фрид вообще в лесу сейчас спит, это гораздо страшнее. Великая хворь любит темноту. Она ползет ползком, скачет скачком, стелется по земле и плывет по воде. От человека к человеку, от дома к дому. Она оттяпает тебе нос, и пальцы, и все остальное. Великая хворь хитра, но Фрид хитрее. Сейчас его нет, на этот раз долго. Но мало ли что. То ли обмен не заладился, то ли кролики попрятались. Да нет же, все как раз наоборот! Фрид столько всего выменял, что еле идет. Бедный Фрид, он и так-то сутулый, а сейчас, значит, и вовсе ковыляет чуть ли не носом в землю. Набрал колбасы, хлеба, сыра, да еще и новое ведро небось тащит, старое-то уже прохудилось.

Пора спать. Еще одна ночь. Ничего не должно случиться. Дверь надежно заперта на засов, ставни закрыты, Лока на половике.

Эй ты, там, слышишь меня?

Посреди ночи Яниса разбудил грохот.

Кто-то со всей силы колотил в дверь.

— Эй ты! — проорал мужской голос. — Открывай!

Лока с лаем бегала туда-сюда по хижине, скребя когтями по полу.

— Открывай давай! — кричал голос.

Янис повел себя так, как учил Фрид: застыл на месте. Как детеныши косули и зайчата — они замирают и притворяются, что их нет.

Раздался сильный удар. С грохотом затрясся засов. Самой двери было не видно, слишком темно.

— Ну! — потребовал голос.

Янис с головой зарылся в одеяло и старался не дышать. Должно казаться, что все ушли и в доме никого нет, кроме громадной собаки с острыми оскаленными зубами.

— Я знаю, что ты там!

Под одеялом голос было слышно хуже, но слова всё-таки можно было разобрать. Яниса бросило в жар. Сердце бешено колотилось — так громко, что и за дверью может быть слышно.

— У меня для тебя есть новости, — донеслось снаружи. — О твоём Фриде. Эй ты, там, слышишь меня?

Янис сжал губы еще плотнее.

— Знаю, что не спишь, — продолжал голос. — Кого-кого, а меня не проведешь.

Затем всё стихло.

Янис сел в кровати. Несколько мгновений ничего не происходило. Янис замер в ожидании, чувствуя, что голос тоже ждет. Надеется, что Янис себя чем-нибудь выдаст. Зарычала Лока. Рядом с хижинкой послышался хруст шагов. От двери, за угол, вдоль поленницы. Янис соскользнул с кровати и на ощупь проверил в темноте крючок ставен. Уф, закрыто.

— Эй, малец, да не бойся ты. — Голос был совсем рядом, их разделяли только стекло и трухлявая древесина ставен. — Это я, Схенкельман. Торгую вразнос носками да шнурками, куртками да платьями, шапками да перчатками.

Янис отступил на шаг. Совсем тихо, чтобы не издать ни звука. Еще шаг. Не отвечать. Ни единого слова. Сухой ком в горле. Янис сглатывал и сглатывал, пока не стало трудно дышать. Еще один шаг. Но позади оказалась табуретка. Она опрокинулась и стукнулась о стену.

— Я так и знал! — обрадовался Схенкельман. — Не спишь, конечно.

Янис, не в силах больше сдерживаться, открыл рот.

— Фрид? — окликнул он тоненьким голоском. Он знал, что Фрида там нет, но не мог не спросить. — Это ты?

— Тю-тю твой Фрид, — ответил через дверь Схенкельман. — Не жди его больше. Я уже битый час пытаюсь это тебе втолковать.

— Он ушел на обмен, — возразил Янис. — И вот-вот вернется.

— Да не вернется он, — уверенно сказал Схенкельман. — Никогда.

К Янису подошла Лока. Он ухватил ее за курчавую шерсть на загривке. Она испуганно взвизгнула.

— Дай мне войти, — потребовал Схенкельман. — Я в дороге уже много часов!

— Открывать нельзя. У тебя... сам знаешь что.

— Что?

— Сам знаешь что! — повторил Янис. — Великая хворь.

— Кто тебе это сказал?

— Фрид.

— Фрид тебе больше не указ, — сказал Схенкельман. — Пойми уже наконец. Ты остался один, малец. Он удрал.

— Врешь ты всё, — буркнул Янис. Эти слова прозвучали недостаточно зло. Даже наоборот, ни капельки не зло. Тогда он крикнул: — Врешь ты всё! Убирайся отсюда!

И отпустил Локу. Собака с лаем бросилась к окну.

— Никуда я не уйду, — перекрикивая лай, возразил Схенкельман. — Не уйду, пока не скажу всё, что должен сказать. Меня сюда не просто так прислали!